

Левина Екатерина Владимировна

О ТЕРМИНОЛОГИИ РОЛАНА БАРТА

В статье рассматриваются термины французского лингвиста Ролана Барта: эффект реальности, фигура, лексия, код. В произведениях Р. Барта были найдены контексты, в которых наблюдается семиотическая неоднозначность данных терминов и выявлены различия в их значении. Материалом анализа послужили аутентичные французские тексты и их русский перевод.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 126-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.133.1'37+ 81'373.46 +651.926 +82.03

В статье рассматриваются термины французского лингвиста Ролана Барта: эффект реальности, фигура, лексия, код. В произведениях Р. Барта были найдены контексты, в которых наблюдается семиотическая неоднозначность данных терминов и выявлены различия в их значении. Материалом анализа послужили аутентичные французские тексты и их русский перевод.

Ключевые слова и фразы: эффект реальности; фигура; лексия; код; концептуальный анализ; терминология; теория перевода.

Екатерина Владимировна Левина

Кафедра романских языков

Московский городской педагогический университет

hnuut@mail.ru

О ТЕРМИНОЛОГИИ РОЛАНА БАРТА[©]

Ведущей формой научного мышления является понятие или абстрактный предмет. Их раскрытию нам служат термины, т.е. особые лексические единицы. Термин - это слово или словосочетание, обозначающее понятие той или иной специальной области знания, являющееся элементом определенной системы. Внутри системы термин стремится к однозначности, не выражает экспрессии и является стилистически нейтральным. Ролан Барт, филолог и философ, владел научным стилем исследуемых им дисциплин. Но, кроме того, он имел свое собственное художественное видение, которое в большой степени отразилось на его усредненном научном стиле высказывания. Новые, вводимые им термины, а также специальные, только им разрабатываемые понятия нуждаются в специальных пояснениях и комментариях.

Для начала хотелось бы отметить, что самые первые научные стили были близки к стилю художественных произведений. Отделение научного стиля от художественного впервые, как указывают исследователи, произошло в так называемый «александрийский период», когда в греческом языке, распространившем свое влияние в это время на весь культурный мир, стала создаваться своя научная терминология. Впоследствии она долго и часто пополнялась из ресурсов латыни. В России научный стиль складывался в первые десятилетия XVIII века, когда авторы научных книг и переводчики стали создавать русскую научную терминологию. Интересным периодом сближения художественного и научного стиля был конец XIX - начало XX века. Терминология ученых и писателей этого периода несет на себе отпечаток их уникальных стилей мышления.

Во Франции в XX веке сближение художественного и научного стилей произошло в так называемой «новой критике», к которой относят творчество Р. Барта, Ю. Кристевой, Ф. Соллерса и др. Р. Барт говорил: «Я сторонник мирного существования критических языков». И это его высказывание можно отнести и к смешению строго научных терминов с выдуманскими им понятиями.

Как отмечают в своих работах французские исследователи творчества Р. Барта, совсем немногие идеи, которые пришлось доказывать и от которых пришлось отречься Р. Барту, закрепились в памяти последующих поколений. В отличие от Ж. Лакана, М. Фуко и Ж. Дерриды, оставивших потомкам целые системы методов и средств, Р. Барт оставил всего несколько понятий: «эффект реальности», «смещение кодов», а также несколько шокирующих идей (например мысль о буржуазии, которая стремится представить свои культурные и политические привычки как естественные черты человеческой природы), и, наконец, несколько полемических точек зрения (например, отрицание понятия истины в критике).

Ни один из терминов Р. Барта не представляется нам абсолютно отчетливым, имеющим однозначное прочтение. Для того, чтобы это доказать, перечислим некоторые из понятий Р. Барта, которые стоит откомментировать: эффект реальности, фигура, лексия, код. Некоторые из них прочно вошли в сознание реципиентов (читателей), в одном из своих значений. Однако в произведениях Барта для них можно найти контексты, в которых возможно выявление различий этих терминов, их семиотической неоднозначности.

Лингвистический энциклопедический словарь расценивает понятие (концепт) как явление того же порядка, что и значение слова, но при рассмотрении его в другой системе связей мы должны их разделить: значение - в системе языка, понятие - в системе логических отношений и форм. Под значением слова подразумеваются две различные вещи, а у слова есть семантическая доминанта, но также есть нечто, схваченное вторичным знаком.

Концептуальный, или понятийный анализ отличается от семантического анализа слова, который связан с разъяснением слова. Концептуальный анализ способствует получению знаний о мире, расширению кругозора. Семантический анализ направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих её денотативных, сигнификативных и коннотативных значений.

Концептуальный или понятийный анализ - это отражение наиболее употребительных контекстов слова, констатация всех направлений по которым идут преобразования семантики слова.

Не претендуя на исчерпывающее исследование терминологии Р. Барта, рассмотрим с помощью концептуального анализа следующие понятия: эффект реальности, фигура, лексия, код.

L'effet de réel - эффект реальности

C'est la catégorie du «réel» (et non ses contenus contingents) qui est alors signifiée; autrement dit, la carence même du signifié au profit du seul référent devient le signifiant même du réalisme: il se produit un *effet de réel*, fondement de ce vraisemblable inavoué qui forme l'esthétique de toutes les œuvres courantes de la modernité [10, p. 52].

Приведённый выше отрывок русскоязычному читателю доступен только в переводе С. Н. Зенкина:

<...>они означают «реальность» как общую категорию, а не особенные ее проявления. Иными словами, само отсутствие означаемого, поглощенного референтом, становится означающим понятия «реализм»: возникает *эффект реальности*, основа того скрытого правдоподобия, которое и формирует эстетику всех общераспространенных произведений новой литературы [1, с. 399].

Энциклопедия социологии (сост. А. А. Грицанов, 2003 г.) определяет эффект реальности как феномен, возникающий, когда поглощенное референтом означаемое становится означающим понятия «реализм». Когда «реальность», будучи изгнанной из реалистического высказывания как денотативное означаемое, входит в него как означаемое коннотативное. Достаточно признать, что некоторые элементы высказывания непосредственно отсылают к реальности, как они сразу начинают означать ее. К ним относятся «повествовательные излишества» «ненужные детали» и «конкретные детали», которые возникают при прямой смычке референта с означающим. Из знака исключается означаемое, а вместе с ним и возможность разработать форму означаемого. «Эффект реальности» является основой скрытого правдоподобия, его сущность не в соблюдении «законов жанра» или даже в их видимости, а в стремлении нарушить трехчленную природу знака, сделать так, чтобы предмет встречался со своим выражением без посредников. Проблема «эффекта реальности» детально рассмотрена в работе Р. Барта «L'Effet de réel» (Эффект реальности. 1968).

Как мы можем отметить, и словарная статья, и перевод текста вполне однозначно трактуют понятие «эффекта реальности». Являясь своеобразным «ноу-хау» Р. Барта, данный термин используется критиками и исследователями в основном с отсылками к его работе «L'Effet de réel» (Эффект реальности. 1968).

La figure - фигура

В работах Р. Барта мы отметили историческое изменение применения данного термина. Так в работе «Le Mythe, aujourd'hui» (Миф сегодня. 1957) находим:

C'est par leur rhétorique que les mythes bourgeois dessinent la perspective générale de cette pseudo-physis, qui définit le rêve du monde bourgeois contemporain. En voici les principales figures<...>

С помощью риторических средств буржуазные мифы дают общую перспективу псевдофизиса, определяющего мечту современного буржуазного мира. Рассмотрим основные риторические фигуры (пер. с франц. С. Н. Зенкина) [Там же, с. 78].

Очевидно, что термин «la figure» имеет здесь классическую трактовку в е риторическом значении.

В работе «Sade, Fourier, Loyola» (Сад, Фурье, Лойола. 1971) термин «фигура» встречается в следующем контексте:

Ce qui limite (et constitue) l'épisode, ce sont des contraintes de temps (l'épisode, est contenue entre deux jouissance); ce qui limite la figure, ce sont des contraintes d'espace (tous les lieux érotiques doivent être occupés en même temps) [10, p. 725].

Объем эпизода определяется временными ограничениями (эпизод - это то, что происходит от оргазма до оргазма); объем фигуры определяется пространственными принуждениями (все эротические места должны быть заняты одновременно) (пер. с франц. С. Козлова) [3, с. 47].

Il y a principalement deux règles d'action: ce sont, si l'on veut, les procédures régulières par lesquelles le narrateur mobilise les unités de son "lexique" (postures, figures, épisodes).

В садовской грамматике есть два главных правила: это, если угодно, регулярные процедуры, посредством которых повествователь мобилизует единицы своей "лексики" (положения, фигуры, эпизоды) (пер. с франц. С. Козлова) [Там же, с. 48].

Les deux codes, en effet, celui de la phrase (oratoire) et celui de la figure (érotique) se relaient sans cesse, forment une même ligne, le long de laquelle le libertin circule avec la même énergie: la seconde prépare ou prolonge indifféremment la première, parfois même l'accompagne.

В самом деле, два кода, код фразы (ораторский) и код фигуры (эротический) беспрерывно переходят друг в друга, образуют единую линию, по которой идет единым потоком энергия либертинажа: фраза может предварять фигуру, а может и следовать за ней, может даже иногда сопровождать ее: это безразлично (пер. с франц. С. Козлова) [Там же].

«Фигура» здесь, как нам кажется, имеет значение «позиция, набор положений в пространстве».

А в работе «Fragments d'un discours amoureux» (Фрагменты речи влюбленного. 1977) «фигура» звучит уже по-другому:

Le mot ne doit pas s'entendre au sens rhétorique, mais plutôt au sens gymnastique ou chorégraphique; c'est... le geste du corps saisi en action, et non pas contemplé au repos... Ainsi l'amoureux est en proie à ses figures: il se démène dans un sport un peu fou, il se dépense, comme l'athlète; il phrase comme l'orateur; il est saisi, sidéré dans un rôle, comme une statue. La figure c'est l'amoureux au travail.

Les figures se découpent selon qu'on peut reconnaître, dans le discours qui passe, quelque chose qui a été lu, entendu, éprouvé. La figure est fondée si au moins quelqu'un peut dire: «Comme c'est vrai, ça! Je reconnais cette scène de langage» [12, p. 29-30].

Можно назвать эти обломки дискурса *фигурами*. Слово это должно пониматься в смысле не риторическом, скорее, гимнастическом или хореографическом: короче, в греческом смысле: *schiona* - это не "схема"; это нечто существенно более живое: телесный жест, схваченный в действии, а не наблюдаемый в покое: тела атлетов, ораторов, статуй: то, что в напряженном теле можно обездвигить. Таков же и влюбленный во власти своих фигур: он мечется в некоем полубезумном спорте, он растрчивает себя, как атлет; он разглагольствует, как оратор; ошарашенный, он добыча роли, как статуя. Фигура - это влюбленный за работой.

Фигуры вычлняются, когда удастся распознать в протекающем дискурсе что-то, что было прочитано, услышано, испытано. Фигура очерчена (как знак) и памятна (как образ или рассказ). Фигура обоснована, если по крайней мере кто-то может сказать: "*До чего же все это верно! Я узнаю эту речевую сцену*" (пер. с франц. В. Лапицкого) [5, с. 120].

Заметим, что наиболее употребительно в лингвистике понимание термина «фигура» именно в риторическом смысле. М. Петровский в Литературной энциклопедии (1925) определяет фигуру как термин риторики и стилистики, обозначающий обороты речи, поскольку они имеют стилистическую значимость и направлены к тому, чтобы придать высказываемой мысли определенную выразительность. «Фигурация речи может достигаться преобразованиями в строении фразы и преобразованиями в ее содержании. Первое выражается в особом расположении слов и других вариациях синтаксической стороны фразы. <...> Примерами фигур, варьирующих содержание высказывания, могут служить: *гипербола, литотес, оксюморон, перифраза* (см. эти слова) и т.п.». «Понятие фигуры основывается на той предпосылке, что одна и та же мысль может быть высказана в разных словесных выражениях: эти словесные *вариации* <...> и именуются фигурами» (Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М.-Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925).

Более современное понятие предлагает С. Н. Зенкин в работе «Введение в литературоведение: теория литературы» (2000): «Так называются любые отклонения языка от обычного, нейтрального способа сказать нечто - от прямого наименования вещи, от грамматически правильного порядка слов и т.д. В фигурах используются либо другие элементы речи, либо другой способ их организации, и сквозь неправильный порядок как бы просвечивает правильный (Зенкин С. Н. Введение в литературоведение: теория литературы. М., 2000).

В работах Р. Барта, как мы убедились выше, значение данного термина изменяется от классического «риторический прием» через «позиция, набор положений в пространстве» к «фрагменту дискурса».

La lexie - лексия

В работах французского лингвиста часто употребляется термин *лексия*. В работе «Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По» (1973) мы выделим следующий фрагмент:

Le signifiant tuteur [le texte analysé] sera découpé en une suite de courts fragments contigus, qu'on appellera ici des *lexies*, puisque ce sont des unités de lecture. [...] La lexie comprendra tantôt peu de mots, tantôt quelques phrases; ce sera affaire de commodité: il suffira qu'elle soit le meilleur espace possible où l'on puisse observer les sens; sa dimension, déterminée empiriquement, au juger, dépendra de la densité des connotations, qui est variable selon les moments du texte [...] [10, p. 128].

Эти сегменты являются единицами чтения, поэтому я обозначаю их термином «*лексия*» (*lexie*)*<>лексия - это произвольный конструкт, это просто сегмент, в рамках которого мы наблюдаем распределение смыслов; нечто, подобное тому, что хирурги называют операционным полем: удобной будет лексия, через которую проходит не более одного, двух или трех смыслов (налагающихся друг на друга в семантическом объеме данного фрагмента текста) (пер. с франц. С. Л. Козлова) [1, с. 426].

Также показательным для определения значения термина является следующий фрагмент вышеупомянутого произведения:

La lexie n'est que l'enveloppement d'un volume sémantique, la ligne de crête du texte pluriel, dispose comme une banquette de sens possibles, (mais réglés, attestés par une lecture systématique) sous le flux du discours: la lexie et ses unités formeront ainsi une sorte de cube à facettes, nappé du mot, du groupe de mots, de la phrase ou du paragraphe, autrement dit du langage qui en est l'excipient "naturel" [10, p. 129].

Лексия - это всего лишь оболочка семантической ёмкости, краж множественного текста, который подобен донному основанию - средоточию возможных (и вместе с тем упорядоченных, удостоверенных самой систематичностью процесса чтения) смыслов, поверх которого струтся дискурсивный поток.

Лексия и единицы, её составляющие, подобны некоему кубу, грани которого обклеены словами, словесными группами, фразами или абзацами, иначе говоря, их облекает язык, вытупающий в роли «естественного» эксципиента (пер. с франц. С. Л. Козлова) [1, с. 427].

Cependant la variation des lectures n'est pas anarchique, elle depend des different savoirs investis dans l'image (savoirs pratique, national, culturel, esthétique) et ces savoirs peuvent se classer, rejoindre une typologie; tout se passe comme si l'image se donnait à lire à plusieurs hommes et ces hommes peuvent très bien coexister en un seul individu: une meme lexie mobilise des lexiques defferentes. Qu'est-ce qu'un lexique? C'est une portion du plan symbolique (du langage) qui correspond à un corps de pratiques et de techniques<...> [9, p. 584].

Вместе с тем сама вариативность прочтений отнюдь не произвольна; она зависит от различных типов знания, проецируемых на изображение (знания, связанные с нашей повседневной практикой, национальной принадлежностью, культурным, эстетическим уровнем), и поддающихся классификации, типологизации: оказывается, что изображение может быть по-разному прочитано несколькими разными субъектами, и эти субъекты могут без труда сосуществовать в одном индивиде; это значит, что *одна и та же лексия способна мобилизовать различные словари*. Что такое словарь? Это фрагмент символической ткани (языка), соответствующий определенному типу практики, определенному виду операций<> (пер. с франц. С. Л. Козлова) [1, с. 428].

В автобиографическом произведении Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте» (1974) примечательным является фрагмент:

Dans S/Z (129, III), la lexie (le fragment de lecture) est comparée à ce morceau de ciel découpé par le bâton de l'aruspice. Cette image lui a plu: ce devait être beau, autrefois, ce baton pointé vers le ciel, c'est-à-dire xers l'impointable; et puis ce geste est fou: tracer solennellement une limite dont il ne reste immédiatement rien, sinon la rémanence intellectuelle d'un decoupage, s'adonner à la préparation totalement rituelle et totalement arbitraire d'un sens [11, p. 267-268].

В «S/Z» (63, II) лексия, то есть фрагмент читаемого текста, уподоблена участку неба, очерченному жезлом римского жреца-гадателя. Такой образ пришелся ему по душе: должно быть, красиво это было в древности - жезл, указующий на небо, то есть именно на то, на что указать нельзя; и потом, это безрассудный жест - торжественно чертить границу, от которой тут же не остается *ничего*, кроме умозрительного воспоминания о расчерчивании; заниматься сугубо ритуальным и сугубо произвольным приготовлением смысла (пер. с франц. С. Зенкина) [2, с. 9].

Б. Потье (1962) ввел в метаязык французской лингвистики новый термин - «лексия» (lexie), который называет *функциональную* единицу, противопоставляемую слову как *формальной* единице. В терминологии Б. Потье «лексия» означает «отдельное слово» (напр. «карандаш/танцевать» или фиксированную группу слов, напр. фр. «promme de terre»), обладающее смыслом и принадлежащее к какой-либо грамматической категории (глагол, имя, прилагательное, и т.д.) (Jean-Pierre Robert. Dictionnaire pratique de didactique du FLE).

Лексическая единица - функциональное единство, закрепленное в речевой практике, то есть застывшая последовательность, созданная на основе слова и различных служебных единиц .

Представленные выше фрагменты текстов убедительно доказывают, что у Ролана Барта понимание данного термина значительно отличается от понимания Б. Потье.

Le Code - код

В работах Р. Барта термин «код» встречается довольно часто, но четкого определения он не получил. Так в «Методологическом заключении» (1973) выделим:

Le mot code ne doit pas être entendu ici au sens rigoureux, scientifique du terme. Les codes sont simplement des champs associatifs, une organisation supra-textuelle de notation qui imposent une certaine idée de structure; l'instance du code, pour nous, est essentiellement culturelle: les codes sont certains types de déjà-vu, de déjà-lu, de déjà-fait: le code est la forme de ce déjà constitutif de l'écriture du monde [11, p. 437].

Само слово «код» не должно здесь пониматься в строгом, научном значении термина. Мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры: коды - это определенные типы *уже виденного, уже читанного, уже деланного*; код есть конкретная форма этого «уже», конституирующего всякое письмо [1, с. 455].

В работе «Sade, Fourier, Loyola» (Сад, Фурье, Лойола. 1971):

Les deux codes, en effet, celui de la phrase (oratoire) et celui de la figure (érotique) se relaient sans cesse, forment une même ligne, le long de laquelle le libertin circule avec la même énergie: la seconde prépare ou prolonge indifféremment la première, parfois même l'accompagne.

В самом деле, два кода, код фразы (ораторский) и код фигуры (эротический) беспрерывно переходят друг в друга, образуют единую линию, по которой идет единым потоком энергия либертинажа: фраза может предварять фигуру, а может и следовать за ней*, может даже иногда сопровождать ее**: это безразлично.

Энциклопедия постмодернизма (под ред. Грицанова А. А., Можейко М. А., 2001 г.) определяет код как понятие, широко используемое в семиотике и позволяющее раскрыть механизм порождения смысла сообщения.

В теории информации (Шенон, Уивер) «код» определяется как совокупность (репертуар) сигналов. В работах Якобсона и Эко «код», «семиотическая структура» и «знаковая система» выступают как синонимичные понятия (при этом «код» отличается от «сообщения» так же, как в концепции Соссюра «язык» - от «речи»). Иначе говоря, «код» может быть определен трояким образом: (1) как знаковая структура; (2) как правила сочетания, упорядочения символов, или как способ структурирования; (3) как окказионально взаимоднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому (У. Эко).

Согласно Ю. М. Лотману, «код» психологически ориентирует нас на искусственный язык и некую идеальную модель языка (а также «машинную» модель коммуникации), тогда как «язык» бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования; если код не предполагает истории, то язык, напротив, можно интерпретировать как «код плюс его история» (Код // Постмодернизм: энциклопедия / под ред. А. А. Грицанова, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2001. С. 364-365).

Мы сознательно уклоняемся от более детальной структуризации каждого кода, не пытаемся распределить элементы каждого кода по некой логической или семиологической схеме; дело в том, что коды важны для нас лишь как отправные точки «уже читанного», как трамплины интертекстуальности: «раздерганность» кода не только не противоречит структуре (расхожее мнение, согласно которому жизнь, воображение, интуиция, беспорядок, противоречат систематичности, рациональности), но, напротив, является неотъемлемой частью процесса структуризации» (Код // Постмодернизм: энциклопедия / под ред. А. А. Грицанова, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2001. С. 459).

Как отмечает И. П. Ильин, Р. Барт «оказался настолько вызывающе небрежен с определением кодов, что в последующей постструктуралистской литературе очень редко можно встретить их практическое применение для нужд анализа. К тому же само понятие кода в глазах многих, если не большинства, позднейших деконструктивистов было слишком непосредственно связано со структуралистским инвентарем. Барт уже усомнился в том, что код - это свод четких правил. Позднее, когда на всякие правила с увлечением стали подыскивать исключения, что и превратилось в излюбленную практику деконструктивистов, код стал рассматриваться как сомнительное с теоретической точки зрения понятие и выбыл из употребления» (Ильин И. Постмодернизм: словарь терминов)

Приведенные выше цитаты подтверждают выводы И. П. Ильина.

Неточности время от времени встречаются в русскоязычных переводах работ Р. Барта. Причиной подобных разночтений, на наш взгляд, является не только несовершенство терминологического аппарата российской лингвистики (не всегда есть однозначный и адекватный термин для французского понятия), но и сложность тематики самих произведений.

Проведя лингвистический анализ текстов Р. Барта и концептуальный анализ выделенных терминов, нами были отмечены следующие особенности:

а) в терминологическом аппарате Р. Барта присутствуют как термины лингвистические (текст, знак, язык/речь, оппозиция, парадигматические и синтаксические типы отношений; структурализм; синхрония/диахрония; означающее/означаемое; модель; метаязык; метафора; метонимия; ряд дискретных знаков; денотация/коннотация; код; языковое сообщение; шифтер; идеолект; план выражения/содержания; различительные единицы; синтагма; система; дискурс; функция; мимесис), так и термины из областей психоанализа (Эрос, фантазм, насилие, агрессия, выговаривать несчастье, выговаривать «Я», психопатология писателя) и философии (Логос, праксис, априорно, понятия стойков, аналогия, утопия, бытие-сейчас, ирреальная реальность);

б) границы некоторых лингвистических терминов были расширены французским лингвистом (текст, миф, социолект, идиолект, шифтер, эналлага);

в) некоторые термины не закрепились в качестве общеупотребительных, и если и используются современными лингвистами, то только с прямой отсылкой к работам Р. Барта (нулевая степень письма; фигура [дискурса]; скриптор, пунктум и т.д.).

Как отметил Э. Марти в своей вступительной статье к полному собранию сочинений Р. Барта: «Подвижная синхронность системы (в произведениях Р. Барта - прим. Е. В. Левинной) заменяется на линейность развития идей фрагментарного дискурса с помощью постепенного развития значения от фрагмента к фрагменту».

Заметим, что ко всему творчеству французского лингвиста можно применить вышеописанное правило. От фрагмента к фрагменту, от произведения к произведению, через научные эссе, книги и статьи, Р. Барт развивает несколько идей, которые и позволяют говорить нам о системности, структурности научных поисков семиолога, не забывая при этом, что Р. Барт не был бы Р. Бартом, если бы не оставил самому читателю возможности самостоятельного поиска смыслов и идей в разнообразии текстов, богатом как по форме, так и по содержанию, хотя терминологический аппарат его во многом не так строен, как того требует строгая научность.

Приведенные выше примеры показывают, что в работах Р. Барта мы можем наблюдать как расширение значений классических терминов лингвистики, так и употребление новых, придуманных французским лингвистом, что доказывает сближение стиля его научных, философских произведений с художественным стилем изложения.

Список литературы

1. **Барт Р.** Избранные работы: семиотика: поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. **Барт Р.** Ролан Барт о Ролане Барте / сост., пер. с франц. и послесл. Сергея Зенкина. М.: Ad Marginem/Сталкер, 2002. 288 с.
3. **Барт Р.** Сад-I // Маркиз де Сад и XX век / пер. с франц. С. Козлова. М.: РИК «Культура», 1992. 256 с.
4. **Барт Р.** Удовольствие от текста // Избранные работы. Семиотика / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 462-518.
5. **Барт Р.** Фрагменты речи влюбленного / пер. В. Лапицкого; ред. и вст. статья С. Зенкина. М.: Ad marginem, 1999. 643 с.
6. **Барт Р.** Эффект реальности // Избранные работы: семиотика: поэтика. М., 1994. С. 392-400.
7. **Женетт Ж.** Повествовательный дискурс / пер. Н. Перцова // Женетт Ж. Фигуры: в 2-х т. Т. 2. С. 60-280.
8. **Косиков Г. К.** Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387-422.
9. **Barthes R.** Oeuvres complètes. P.: Seuil, 2002. V. 1. 1942-1961.
10. **Ibidem.** V. 2. 1962-1967.
11. **Ibidem.** V. 3. 1968-1971.
12. **Ibidem.** V. 4. 1972-1976.
13. **Ibidem.** V. 5. 1977-1980.
14. <http://www.fabula.org/forum/barthes/28.php>

ABOUT ROLAND BARTHES'S TERMINOLOGY**Ekaterina Vladimirovna Levina**

*Department of the Romanic Languages
Moscow Urban Pedagogical University
huut@mail.ru*

In the article the French linguist Roland Barthes's terms "reality effect", "figure", "lexia", "code" are considered. In R. Barthes's works the contexts were found in which the semiotic ambiguity of these terms is observed and the differences in their meaning were revealed. The material for analysis is authentic French texts and their Russian translation.

Key words and phrases: reality effect; figure; lexia; code; conceptual analysis; terminology; translation theory.

УДК 802.0:800.378

В статье рассматриваются вопросы формирования профессиональных мотивов студентов вуза, выявляются особенности мотивационного обеспечения учебной деятельности студента. Основной акцент делается на роль иностранного языка, его мотивационное обеспечение и дидактические условия реализации анализируемого феномена на материале обучения иностранному языку.

Ключевые слова и фразы: познавательный мотив; профессиональный мотив; профессиональная направленность обучения; дидактические условия обеспечения мотивации.

Лариса Васильевна Малетина, Любовь Анатольевна Собинова

Кафедра английского языка и технической коммуникации

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

lmaletina@mail.ru, sla_19.82@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МОТИВОВ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА®**

Важнейшей предпосылкой психологической готовности студентов к изучению иностранного языка является формирование мотивационной сферы. В отечественной и зарубежной психологической науке имеется большое количество исследований, посвященных различным аспектам проблемы мотивации. Мотив рассматривается как сложное интегральное психическое образование, включающее потребность, цель, намерение, побуждающие человека к сознательным действиям и поступкам и служащие для них основанием. При этом побудителем мотива является стимул, а побудителем действия или поступка - мотив (внутреннее осознанное побуждение) [3, с. 5].